

Для Машутокъ

1889

МАРТЪ № 3.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
I. По прав-дѣ. <i>С. Лаврентьевой.</i>	33
II. Карлушка, по прозванію Плуть Плutowичъ. <i>Антонины Бълзоръ</i>	34
III. Маленькій художникъ. <i>Е. Анненковой.</i>	41
IV. Зайка сѣренькій обмануль. <i>Максимушки.</i>	44
V. Дѣтскій анекдотъ. <i>Е. Давыдовой.</i>	47
VI. Загадка. <i>Н-ва.</i>	48

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Адресъ редакціи: Сергіевская, д. № 24.

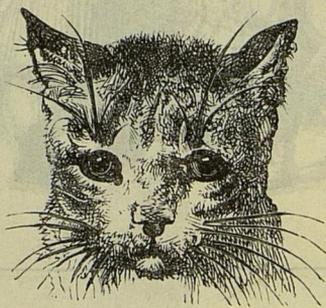

ПО ПРАВ-ДѢ.

Пе-тя былъ доб-рый маль-чикъ. Онъ всег-да лю-билъ прав-ду. Па-па е-му далъ гру-шу. Онъ спро-силъ: мож-но ску-шать всю гру-шу и-ли дать сес-трѣ Ма-шѣ пол-гру-ши?—«Какъ хо-чешь, ска-заль о-тецъ; луч-ше дай пол-гру-ши и Ма-шѣ». — Пе-тя по-шелъ ис-кать сес-тру и по пу-ти съѣлъ всю гру-шу. Онъ вспо-нилъ, что хо-тѣлъ дать пол-гру-ши Ма-шѣ. Е-му бы-ло стыд-но. Онъ по-шелъ къ от-цу и ска-заль: «Я жад-ный; съѣлъ всю гру-шу. Ес-ли дашь въ дру-гой разъ гру-шу, то я е-е всю от-

дамъ Ма-шѣ». На дру-гой день онъ сдѣ-
лалъ то, что ска-залъ.

С. Лаврентьева.

КАРЛУШКА,

ПО ПРОЗВАНЬЮ ПЛУТЬ-ПЛУТОВИЧЪ.

Посмотрите, пожалуйста, на эту морду!
Нѣтъ, вы только взгляните! Ну, не плуть
ли?.. Такъ его и зовутъ: Карлушка, Плуть-
Плутовичъ. Морду-то какую соорилъ!...
Это—Карлушка, видите, судьбой своей не-
доволенъ.

Карлушка жилъ-поживалъ въ деревнѣ
у мужичковъ. Мужички были добрые; Кар-
лушкѣ жить было хорошо. Карлушка изба-
ловался,—да вѣдь какъ избаловался!.. Плуть
плутомъ сталъ...

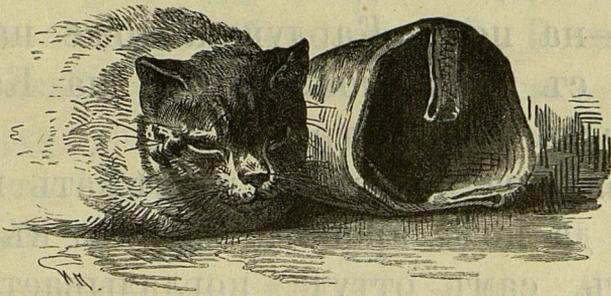
Въ деревнѣ—цыплята, утята, индюшата, а Карлушка ихъ—цапъ-царапъ, да и скушаетъ. Хозяева Карлушку и просили, и стыдили: «Карла!.. остепенись, воромъ будутъ звать, станутъ гнать всѣ!» Карлушка и въ усъ не дуетъ. Хозяева и наказывали Карлушку: Карлушка, пока его бьютъ, жалкую морду соорудить; выпустили его, — Карлушка хвостъ задралъ и побѣжалъ, а на дворѣ опять—пискъ, визгъ: «Пи-и-и, пи-и-и, глю, глю, глю, ку-акъ, ку-акъ, ку-акъ!». Это Карлушка опять птиць ловилъ.

Хозяева видятъ: ничего не подѣлаешь, не слушается Карлушка... жаль имъ было Карлушку, а все таки посадили Карлушку въ мѣшокъ и отправили къ знакомымъ въ Петербургъ. И пріѣхалъ котъ въ Петербургъ; недоволенъ Карлушка, страхъ, какъ недоволенъ! сидитъ и самъ съ собой разсуждаетъ: «Что это сдѣлали со мной!.. въ деревнѣ и молочко, и сметанка, и творожокъ, и курятинка, пей-ѣшь, — не хочу!... Н-ѣтъ, взя-яли, притащили въ Петербургъ, когда я вовсе не просился сюда!.. А здѣсь-то, тьфу!» Карлушка даже чихнулъ съ досады,—молоко дорого, курятинки нѣтъ, рѣдко, рѣдко куру повстрѣчаешь на дворѣ,—

да и то такая худящая: горе одно, а не кура! Карлушка еще больше надулся, а самъ все разсуждаетъ: «И куда я попалъ? Что это за домъ такой? Всѣ цѣлый день работаютъ. Хозяинъ - сапожникъ, сошьетъ сапоги—продастъ, купить себѣ поѣсть; хозяйка - портниха, сошьетъ платье,—получить деньги и тоже купить себѣ поѣсть... и меня заставляютъ работать... «Работай, доставай себѣ обѣдъ... полно тебѣ баклуши бить... никто не живетъ на свѣтѣ безъ работы, лови мышей, самъ себя корми!» Положимъ, мышъ—звѣрь вкусный, но звѣрь хитрый, скоро ли ее поймашь!.. сиди, сиди, карауль ее, карауль, а она вдругъ вильнетъ хвостомъ и изъ-подъ носу ускачетъ... Ужъ сколько разъ меня мыши такъ надували, и все терпи отъ нихъ... А хозяйева еще бранятъ: «Лѣнтяй, говорятъ, деревенщина!» Трудно жить на свѣтѣ!»

Такъ Карлушка самъ съ собой разсуждаетъ. А пока онъ сидѣлъ, да разсуждалъ, карточку съ него сняли—и вамъ, дѣти, послали.

* * *

Слышитъ вдругъ Карлушка: пахнетъ, ай, какъ вкусно!.. Карлушка носикомъ пофыркиваетъ, умишкомъ раскидываетъ: «Что это пахнетъ такъ вкусно?.. Надо поглядѣть... надо!.. хозяевъ дома нѣтъ!..»

Карлушка прыгъ на столъ,—не даромъ же его Плутомъ Плутовичемъ называютъ,—поглядѣлъ: нѣтъ ничего на столѣ, все отъ него припрятано, отъ Плути Плутовича, только стоитъ коробочка съ булавками, да съ иглками. Карлушка сейчасъ хвостикомъ «махъ», коробочка на полъ «трахъ», булавки и иглки разсыпались... Но Карлушка не унялся, онъ пошелъ еще бѣдокурить. Увидаль Карлушка этажерку съ посудой, и посуды на ней много, много. Карлушка облизывается, на этажерку поглядываетъ, а самъ думаетъ: «Вѣрно, оттуда пахнетъ!»

Вотъ онъ, деревенщина такая, со всего размаха скогъ на этажерку. «Бумъ, трахъ,

та-ра-рахъ, динь, дзинь, ди-ли-линъ!» Этажерка—на полъ, Карлушка тоже на полъ вмѣстѣ съ этажеркой, посуда на Карлушку,—шумъ, звонъ, трескъ.

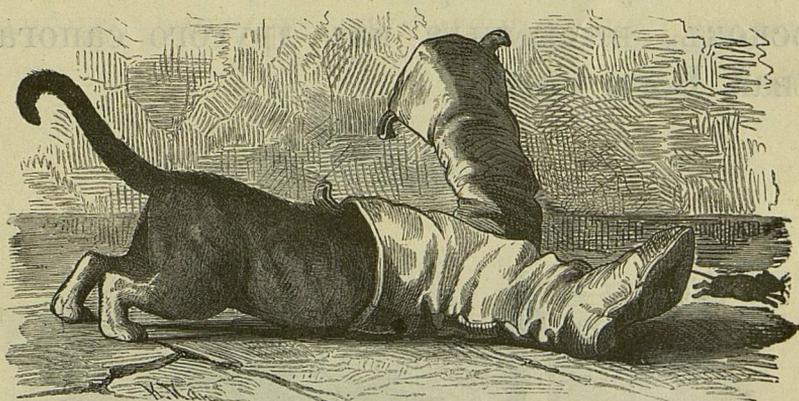
Карлушка вскочилъ, да бѣжать во всю прыть, да подъ кровать, забился въ уголь, дрожить, самъ оттуда поглядываетъ: что такое случилось?..

Вдругъ Карлушка опять слышитъ: чѣмъ-то пахнетъ, вкусно превкусно. На полу лежатъ сапоги... «А-а-а!.. вотъ что!.. Сапогами пахнетъ, кожей!» Карлушка и забылъ, что натворилъ сейчасъ, маршъ къ сапогамъ, понюхалъ ихъ и языкомъ лизнулъ... Жостко, кушать нельзя!.. Карлушка вздохнулъ и легъ отдыхать, — уморился, бѣденекій, ничего не дѣлавши...

Карлушка лежитъ возлѣ сапогъ, самъ себя убаюкиваетъ: «Мруруру, руру, руру, руруру, руру, руру!» Вдругъ онъ слышитъ: «скрипъ, скрипъ, скрипъ». Карлушка ушки наострилъ... Мышь!.. Мышь въ сапогъ забралась... Карлушка губы надулъ, ворчитъ: «Только что я прилежъ, задремалъ, только что самъ себя убаюкалъ, и вдругъ вставай, иди, лови!..» А глазки такъ и смыкаются... «Такъ вотъ же—не встану и не

встану!.. пусть!.. А если не встану, вѣдь, тогда я останусь безъ обѣда?.. Встать или не встать?» Карлушка такъ самъ съ собой разсуждаетъ, а глазъ все таки не открываетъ. А въ сапогѣ: «Скрипъ, скрипъ, скрипъ!»

* * *

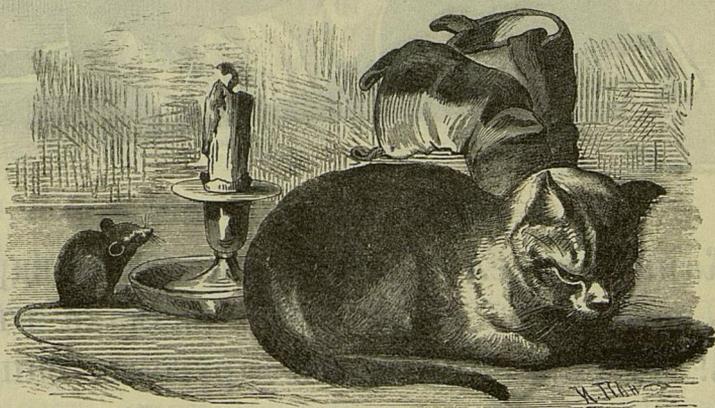

Карлушка слушалъ, слушалъ, да вдругъ какъ вскочить, да со всего размаха въ сапогъ! Мышка была въ другомъ сапогѣ. Карлушка спросонья не разобралъ, что не туда попалъ. Карлушка въ сапогъ-то влѣзъ, а вылѣзти назадъ не можетъ... ужь очень далеко заскочилъ съ размаха!

Вотъ-то перепугался Карлушка! Въ сапогѣ темно, душно. Карлушка оретъ во все горло: «Мя-а-у, мя-а-у, курн-а-у!»

Карлушка головой трясеть и сапогъ трясется; Карлушка назадъ пятится и сапогъ—за нимъ... Карлушка—впередъ и сапогъ впередъ... въ комнатѣ слышится: «тру-ту-ру-ру!» Карлушка не понимаетъ: что это шумить, стучить... думаетъ: идутъ бить его... и еще больше со страху ореть. А мышка-плутишка услышала возню, скокъ-поскокъ, выскочила изъ другого сапога и давай Богъ ноги!

* * *

Наконецъ-то Карлушка вылѣзъ изъ сапога и сидитъ, злющій-презлющій, и ворчитъ себѣ подъ носъ, какъ старая бабушка: «Гадкіе сапожищи!.. голову себѣ всю расколотилъ, ушки болятъ...»

Свѣчка догораетъ, оплываетъ. Карлуш-

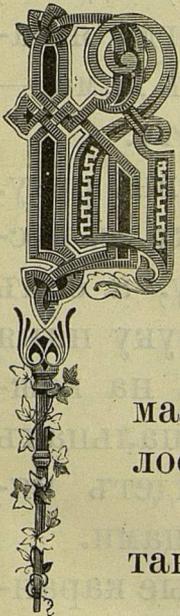
ка сидитъ, ворчитъ, а мышка-плутишка услыхала, что свѣчкой пахнетъ, не вытерпѣла, пришла свѣчки покушать.

Мышка сидитъ за спиной Карлушки, головкой вертитъ, усами шевелить, сама надъ Карлушкой посмѣивается:

«Хи, хи, хи! Ха, ха, ха!

Посиди тутъ до утра».

Антонина Бѣлзоръ.

МАЛЕНЬКІЙ ХУДОЖНИКЪ.

Вася былъ совсѣмъ маленькій мальчикъ, но онъ истреблялъ очень много бумаги и карандашей: Вася любилъ рисовать.

Карандашъ у него постоянно ломался, и, то нянѣ, то мамѣ, приходилось его постоянно чинить.

У Васи съ няней шель всегда такой разговоръ:

— Няня, дай мнѣ, пожалуйста, бумаги и карандашъ.

— На, батюшка! Что дѣлать-то будешь?

— Я, няня, буду рисовать.

— Рисуй, батюшка, рисуй!

Черезъ нѣсколько времени Вася преподноситъ нянѣ, весь зачерканный и замаранный, листъ.

— Что же это, батюшка, не разберу я? спрашиваетъ няня.

— Это, няня, темнота. Вотъ тутъ темнота свѣтлѣе, а здѣсь совсѣмъ черная. Сначала я нарисовалъ домикъ и деревья, и заборъ, и лошадь, потомъ сдѣлалъ темноту... заборъ у меня лучше вышелъ, а лошадь не похожа. Вотъ гдѣ лошадь, видишь, тамъ темнота совсѣмъ черная. Когда я научусь также хорошо рисовать какъ мама, — я не буду больше рисовать темноту.

Вася еще рисовалъ свою и нянину руку.

Заставитъ няню положить руку съ растопыренными пальцами на бумагу, а самъ обводитъ карандашемъ. Затѣмъ, руку няня приметъ прочь, а Вася нарисуетъ на каждомъ пальцѣ ноготь, и на всѣхъ пальцахъ по кольцу сдѣлаетъ; вотъ и выйдетъ нянина рука съ ногтями и съ кольцами.

Подарили Васѣ на елку цвѣтные карандаши и тетрадку съ рисунками. Если раз-

вернуть тетрадку, то на обѣихъ страницахъ нарисована одна и таже картинка, только на правой разрисованная красками, а лѣвую Вася самъ долженъ былъ разрисовать цвѣтными карандашами. Землю всегда Вася рисовалъ шоколаднаго цвѣта; для деревьевъ бралъ зеленый карандашъ, а иногда синій, а индѣйскаго пѣтуха онъ выкрасилъ во всѣ цвѣта, какіе у него были, но вышло не хорошо, и онъ поспѣшилъ сдѣлать темноту.

Е. Анненкова.

ЗАЙКА СЪРЕНЬКІЙ ОБМАНУЛЪ.

(Картинка съ природы).

днажды лѣтомъ на лугу крестьяне косили траву. Неподалеку отъ луга виднѣлось поле, а за полемъ— дремучій лѣсъ. На лугу работала вся деревня; тутъ старый и малый были помощой. И Максимычъ, старый мужичекъ-простачекъ, былъ тутъ - же. Зеленая травушка подъ вострой косою клонилась къ сырой землѣ, а солнце красное пригрѣвало ее и сушило... На полосѣ Максимыча изъ нескошенной травы выскочилъ заяцъ... Выскочилъ—прыгаетъ.

— Дядинька! смотри-ка,— смотри! Зайка бѣжить! закричалъ Максимычу съ сосѣдней полосы мальчикъ Алексѣй.

Максимычъ оглянулся и

видить: по скошенной травѣ скачетъ-прыгаетъ маленькій сѣренькій зайчикъ...

Народъ на лугу заговорилъ, зашумѣлъ.
Заяцъ струсилъ, присѣлъ, но потомъ сразу: прыгъ-скокъ, прыгъ-скокъ и—впередъ...

Максими́чь и Алексѣ́й пустились догонять его, а за ними вслѣдъ—и другіе ребяташки. Всѣ бѣгутъ, кричатъ, точно гонятся за какимъ нибудь лихимъ звѣремъ. А зайка сѣренькій бѣжалъ и бѣжалъ. Ребята утомились и мало-по-малу одинъ за другимъ стали отставать... Остались только двое: Максими́чь, да Алексѣ́й.

— Дядинька, я не могу,—усталь! проговорилъ Алексѣ́й.

— Если усталъ, такъ не бѣги, а я побѣгу и тебѣ зайку сѣренькаго принесу! отвѣтилъ Максими́чь.

Алексѣ́й остановился и сталъ смотрѣть, какъ бѣжали Максими́чь и сѣренькій... Бѣжали—бѣжали и вдругъ: зайчикъ сразу присѣлъ, Максими́чь добѣжалъ и хотѣлъ, было, схватить его, но запнулся за кочку и растянулся на травѣ, а зайчикъ остался сзади.

— Дядинька! Лови его, лови!—кричалъ Максими́чу Алексѣ́й.

Заяцъ подергалъ ушами и пустился бѣжать къ лѣсу.

На лу́гу слышался смѣхъ...

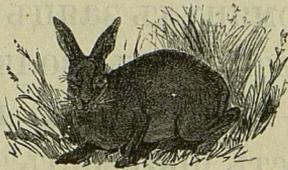
— Лови его! Держи его!.. кричали вперейбой ребяташки.

Максимичь лежалъ и бормоталъ:

— Лови!.. Держи!.. Ишь вы, какіе прыткіе!... сами подите-ка—ловите!..

— Что!.. поймалъ?!.. Поймалъ?!.. окликнули его вновь ребята, когда заяць уже почти скрылся изъ виду.

Максимушка.

ДѢТСКІЙ АНЕКДОТЪ.

Маленькая Оля вышивала къ празднику туфли своему дѣдушкѣ.

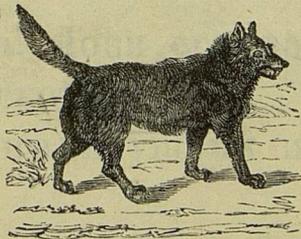
— Счастливая Надя! вздыхала она. У ея дѣдушки одна нога; ей не нужно вышивать пару туфель.

Е. Давыдова.

ЗАГАДКА.

Сидятъ подъ березой заяцъ-храбрецъ да зайчиха-трусиха. Говоритъ заяцъ зайчихѣ: «Что ты, мать, дрожишь»?—Волка, отецъ, боюсь.—«Волкъ сюда не придетъ!»—Ой, придетъ!—«Придетъ,—я его съѣмъ!»—Ой, не съѣшь!—«Анъ, мать, съѣмъ!» Спорятъ, ушами трясутъ. Помянулъ заяцъ волка,—волкъ и тутъ. Увидѣлъ заяцъ волка,—за дубъ, за клень—тягу. — У-у! куда, косою! — воетъ волкъ.—Тебя ѣсть побѣжалъ!—плачетъ зайчиха—и пошла на утекъ.—Ко мнѣ, ко мнѣ! ѣшьте меня!—воетъ волкъ. Но заяцъ-храбрецъ былъ далеко; зайчиха-трусиха не ближе его. Отчего такъ?—Да просто: заяцъ въ зубахъ у волка не вязнетъ, а зайцу и уха волчьяго не прожевать. Заяцъ—постникъ-капустникъ, а волкъ безъ мясного и дня не живетъ. Такъ, который котораго съѣсть?

Н—вѣ.

 Редакторъ-издательница А. ТЮФЯЕВА-ТОЛИВЪРОВА.

